

САМОЕ МАССОВОЕ

В канун профессионального праздника советских кинематографистов мы взяли несколько интервью у известных режиссеров республики, которые на днях закончили работу над новыми фильмами.

Расим Оджагов:

— Да, 27 августа — праздник кино, но для меня кино — это работа, будни, поиски. Из этого потом, как будто сам по себе, и рождается праздник. И приурочить его к конкретной дате трудно, скорее он сам находит меня. Еще не «койдя» от только что законченного фильма — «Храм воздуха», я все свои мысли о современном киноискусстве вновь и вновь связываю с этой лентой.

Сегодня, когда художники получают возможность снимать фильмы на любые темы, когда сняты многие запреты, когда после долгого молчания — или, если хотите, полумолчания, ведь что-то мы все-таки умудрялись сказать, — говорящих стало даже больше, чем слушающих. А мне очень хочется быть услышанным. И потому, думаю, порой стоит переходить на шепот: делать тихий, грустный фильм.

«Храм воздуха», если коротко, картина о любви и смерти. О любви, которая спасает человеческую душу, дарует ей очищение. Наш герой, озлобленный жизнью, но по натуре своей человек не злой. Тяжесть пережитого на войне усугубила встреча с родным городом, с родным очагом: несправедливо арестован и

осужден отец, не дождавшись его, любимая девушка вышла за другого. Что ж, опять бороться? В конце фильма герой погибает. Но душа его спасена — ведь перед смертью он любил и был любим.

Все это бродит во мне, хотя уже почти готов сценарий будущего нашего совместного с Рустамом Ибрагимбековым фильма... Вот это и есть — моя жизнь и кино.

Эльдар Кулиев:

— При всем различии в наших национальных кинематографиях все же существовало в искусстве уникальное явление — советское кино. И определялось оно единым для всех гуманистическим киномышлением — это искусство для народа.

Боясь, что сегодняшнее стремление к коммерциализации, прямое или слегка замаскированное подражание нашим западным коллегам могут нанести серьезный моральный ущерб отечественному кино, оторвать его от масс. Думаю, что настоящий художник должен выражать свои чувства и мысли в тех формах, которые понимает прежде всего его общество. Фильмы-то мы выпускаем в первую очередь для наших экранов.

Для меня кино — форма мышления. Каждый день, тем более сейчас, наводит на новые мысли, которыми хочешь поделиться, словно оставшись наедине с каждым из зрителей.

Уже в третьем своем фильме (только что закончена «Ди-

версия», где главные герои — ветераны афганской войны) я говорю о людях, в общем-то, одного поколения. Через рассказ о них мне хотелось бы передать свое понимание нашей ответственности, ответственности всего общества, страсти за их судьбы. Я не претендую в этой своей работе на решение проблем, это — лишь первая попытка осмыслить еще «горячее» прошлое, которое — и наше настоящее.

...При всей масштабности кинематографа это и очень интимное искусство. И сегодня, когда кино нашей республики находится на пороге перехода на хозрасчет, что ставит перед ним совершенно новые задачи, очень важны внимание и поддержка зрителей. Хотелось бы сказать еще вот о чем: да, много нареканий в адрес азербайджанского кино раздавалось у нас, в большинстве они справедливы. Но и нам, режиссерам, очень важно иметь дело не с добродушным — с доброжелательным зрителем, не безразличным, а внимательным, чутким, способным к сопереживанию.

Рауф Нагиев:

— Самое удивительное, хотя 27 августа — ко всему и мой день рождения, я никогда не считал его особым праздником. Наверное, потому, что для меня кино — это возможность жить, страдать, действовать, творить с полной самоотдачей.

Я снял очень много документальных фильмов, некото-

рые из них получали призы и дипломы, но ни разу до недавнего времени не почувствовал, что «мое» кино нужно людям. Это чувство, а заодно и чувство удовлетворения, принес фильм «Мертвая зона». Самая большая награда для меня — реакция зрителя, общестественности республики.

Уже более полугода я работаю над своего рода продолжением «Мертвой зоны». Изучаю и все больше узнаю Сумгаит. Материал настолько драматичен, что порой задаюсь вопросом: нужно ли говорить о дефиците культуры, если в том же Сумгаите в дефиците — воздух? Наверное, вопрос слишком жестко сформулирован для праздничного интервью. Но я уже сказал, что моя профессия — это мой способ существовать, мыслить, видеть мир и помогать людям познавать его.

Возможно, во мне говорит «цеховой» патриотизм, но я всегда считал, что уровень современной культуры народа определяется тем, как воспринимаются документальные фильмы. У нас в республике еще недавно неигровые ленты практически не смотрели. Почему? Когда после «Мертвой зоны» я стал получать огромное число откликов, узнал реакцию организаций, ответственных за экологию Сумгаита, то понял истину: надо начать говорить людям правду о настоящем. И тебя обязательно поймут.

Записала
Е. КОВАЛЕНКО.